

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. П. Генералова

ОБЗОР ПОСЛЕДНИХ ВЫПУСКОВ

«CAHIERS IVAN TOURGUÉNIEV, PAULINE VIARDOT, MARIA MALIBRAN»: 1986—1992 (№ 10—16)

Продолжая знакомить русского читателя с выходящими ежегодно, начиная с 1977 года, в Париже сборниками статей и материалов, связанных с именем И. С. Тургенева,¹ хочется сказать, что это издание отличается от подобных прежде всего объемом документальных публикаций первостепенной важности, которыми наполнен почти каждый выпуск ежегодника, и, что особенно примечательно, эти материалы касаются не только западноевропейских связей русского писателя, что было бы вполне естественно ожидать, но все более вторгаются в область русского тургеневедения. В самом деле, можно ли представить, чтобы один из выпусков французского ежегодника имел подзаголовок «Тургенев и Пушкин»? И тем не менее именно с таким подзаголовком вышел в 1987 году (к 150-летию со дня смерти поэта) 11-й номер «Cahiers». При том положении издательских дел, которое наблюдается нынче в России, остается лишь радоваться, что в Париже находятся люди и средства, чтобы из года в год, на протяжении вот уже 16-ти лет, собирать воедино все, что появляется нового о Тургеневе, готовить публикации, размышлять о месте писателя как в русском, так и в западноевропейском культурном контексте. Европейская известность «спасает» Тургенева снова, как тогда, в далекие пореформенные годы, когда после жесткого приема, оказанного русской критикой «Отцам и детям», писатель принял решение навсегда поселиться в Баден-Бадене. Похоже, что и центр тургеневедения перемещается в эмиграцию.

Случайно ли такое обилие новых документов, которые постоянно воскрешают из небытия и становятся, хотя и в далеко не полном объеме, достоянием исследователей? Разумеется, нет.

Оставшийся после смерти писателя архив оказался разделенным на несколько частей и попал в несколько частных коллекций. Лишь часть его была, как известно, передана в Парижскую Национальную библиотеку и стала полностью доступна исследователям.

Вот почему время от времени новые документы, связанные с именем Тургенева, появляются на международных аукционах, привлекая к себе внимание исследователей и, конечно, коллекционеров. Так что новые страницы, исписанные характерным тургеневским почерком, будут еще долго радовать собирателей и ученых. А нам остается радоваться тому, что имя Тургенева по-прежнему объединяет вокруг себя людей разных национальностей, разных убеждений, разных профессий, пробуждая и поддерживая интерес к русской культуре и русскому слову.

Конечно, издание, о котором идет речь, не все свои страницы посвящает Тургеневу, поскольку оно является печатным органом «Общества друзей Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран». Но как бы ни был широк круг имен, как бы ни были разнообразны интересы членов Общества и участников ежегодника, его все же с полным правом можно назвать тургеневским, ибо в центре неизменно остается фигура русского писателя, верность которому хранит президент Общества и главный редактор ежегодника, автор нескольких монографий и сотен публикаций неизвестных ранее текстов Тургенева А. Звигильский.² Следует сказать несколько слов и о публикациях уже известных текстов, которые были подготовлены А. Звигильским в последние годы, поскольку они не являются простым воспроизведением предшествующих

¹ Предыдущие выпуски рецензировались Л. Н. Назаровой (Русская литература. 1978. № 3. С. 208—211; Русская литература. 1979. № 4. С. 211—213), Л. А. Балыковой (Русская литература. 1982. № 3. С. 215—220), Л. М. Долотовой (Вопросы литературы. 1981. № 2. С. 305—311), Н. П. Генераловой (Русская литература. 1987. № 3. С. 228—237).

² Главные среди них — три тома писем Тургенева, не вошедших в первое академическое издание полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 30-ти томах: Ivan Tourguénev. Nouvelle correspondance inédite / Intr. et notes par A. Zviguilsky. T. I. Paris, 1971; T. II. Paris, 1972; Lettres inédites de Tourguénev à Pauline Viardot et à sa famille. Lausanne, 1972.

изданий, но всегда вносят много нового в понимание творчества Тургенева.

Из публикаций такого рода прежде всего надо назвать солидный том переписки Тургенева с Гюставом Флобером — один из интереснейших традиционных диалогов в мировой литературе.³ Традиция публикаций подобного рода, весьма популярная в свое время в России, теперь заметно ослабла: писательские диалоги «рассыпаются» по полным и неполным собраниям сочинений, лишая подчас публикуемые письма животрепещущей актуальности обсуждаемых проблем, загоняя ответные реплики в комментарии. Издание 235 писем Тургенева и Флобера, из которых большая часть принадлежит французскому писателю (некоторые письма публикуются впервые), важно как для тургеноведов, так и для исследователей творчества Флобера. Эта переписка, запечатлевшая 17-летнюю дружбу близких по духу и по эстетическим воззрениям писателей, заслуживает особого разговора. Отметим лишь, что издание безупречно подготовлено: тексты писем сверены с оригиналами, снабжены подробным комментарием, богатым справочным аппаратом и большой вступительной статьей. Издание дополнено несколькими впервые опубликованными письмами Тургенева к французским корреспондентам и документами, поясняющими отдельные эпизоды из истории отношений Тургенева и Флобера.

Собранные в небольшой по объему сборник несколько произведений Тургенева («Человек в серых очках», известный во французском переводе как «Месье Франсуа», «Наши послания!», «Казнь Троппмана», «Пожар на море» и «Конец») вышли в парижском издательстве «Bibliothèque cosmopolite Stock» в 1990 году с предисловием А. Звигильского. Составившие сборник очерки из «Литературных и житейских воспоминаний» и рассказы, как пишет автор предисловия, «не переводились на французский язык в XX веке». Старые же переводы, опубликованные в периодике и в изданиях прошлого века, стали практически недоступными. В предисловии содержатся сведения, которые должны пополнить известные ранее комментарии к названным произведениям. Так, говоря об очерке «Месье Франсуа» («Человек в серых очках»), написанном в 1876—1879 годах, автор предисловия указывает на два источника, которыми пользовался Тургенев, работая над своими воспоминаниями о февральской революции 1848 года в Париже. Во-первых, это 4-томные воспоминания активного участника революции Одилона Барро «Mémoires posthumes», вышедшие в Париже в 1875—1876 годах. Важно отметить, что экземпляр этих воспоминаний с экслибрисом Тургенева был продан в 1988 году на одном из парижских аукционов. Личное знакомство с О. Барро в доме Н. И. Тургенева произвело неблагоприятное впечатление на писателя.

Ставший в декабре 1848 года первым главой правительства будущего диктатора Луи Наполеона, О. Барро был заметной фигурой во французской политической жизни. Выскажем предположение, что он мог быть и прототипом «месье Франсуа», поскольку известно, что Тургенев, создавая этот образ, имел в виду реально существовавшее лицо, до сих пор не разгаданное тургеноведами. Другим источником «Человека в серых очках» могли быть главы романа Г. Флобера «Воспитание чувств» (1869), посвященные революционным событиям в Париже. Роман был высоко оценен Тургеневым, а в 1879 году он перечитывал с госпожой Вьардо второе издание этого произведения в Буживале. Следует, очевидно, согласиться с А. Звигильским в том, что не случайно именно Флобер оказался человеком, которому Тургенев поручил править корректуру французского перевода очерка. Заслуживает внимания исследователей и краткий сопоставительный анализ героя очерка и двух героев романа — Дюссардье и Сенекалья.

Особо следует отметить новое прочтение А. Звигильским очерка Тургенева «Казнь Троппмана» (1870), дающее возможность вписать это произведение как в общий контекст творчества писателя, так и в широкий исторический и современный контекст обсуждаемой проблемы. В 1979 году А. Звигильским был организован в Париже colloquium (акты его напечатаны в следующем году отдельным изданием) на тему: «Смертная казнь в философской и литературной мысли (вокруг «Казни Троппмана»)». Изложенные в предисловии мысли и наблюдения исследователя выгодно отличаются от той трактовки, которая существует в нашем тургеноведении. Как бы отвечая на вопрос А. Б. Муратова, каково же место очерка в тургеновском творчестве,⁴ А. Звигильский пишет: «Критическое отношение к средневековому варварству и суровому закону означало вторжение писателя в политическую жизнь. Параллельно автор „Записок охотника“, сражавшийся за освобождение крестьян в России пером, внес свой вклад в дело отмены крепостного права. Человек, созерцавший гильотину на Рокетской площади... почувствовал себя виновным, наряду со всем обществом, за убийство, этим обществом освященное».⁵ Сведя проблему источников «Казни Троппмана» к текстуальным заимствованиям из статьи М. Дюкана, опубликованной в первом номере влиятельного французского журнала «Revue des Deux Mondes», А. Б. Муратов несомненно переоценил роль этих заимствований, большинство из которых объясняются самим фактом присутствия обоих писателей на процедуре казни. Нельзя не учитывать, с другой

⁴ См.: Муратов А. Б. Тургенев и Максим Дюкан (к творческой истории «Казни Троппмана») // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 142.

⁵ Tourguéniev Ivan. L'exécution de Troppmann et autres récits. Bibliothèque cosmopolite Stock, 1990. P. 23.

³ Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par Al. Zviguilsky. Flammarion; Paris, 1989.

стороны, что могло быть и обратное влияние именно Тургенева на статью Дюкана, поскольку тема обсуждалась на самом процессе и после него, — ведь Дюкана, пригласившего Тургенева на этот ужасный спектакль, не могло не интересовать мнение русского писателя.

В целом сборник, подготовленный А. Звигильским, несколько с неожиданной стороны освещает отношение Тургенева не только к проблеме смертной казни, но шире — к смерти вообще и страху смерти, — проблемам, затронутым в последних произведениях Тургенева, продиктованных им по-французски Полине Виардо: «Пожар на море» и «Конец».

Новое издание параллельных текстов — на русском и французском языках (в переводе Шарля Саломена, выполненном в 1929 году и уточненном А. Звигильским) — «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева отличается тщательностью подготовки и привлекает интересной вступительной статьей А. Звигильского, содержащей немало свежих наблюдений.⁶ Отмечая, что впервые «Стихотворения в прозе» появились во Франции благодаря П. Виардо, которая приняла живое участие в публикации 1882 года в «Revue politique et littéraire» (в Национальной библиотеке хранятся переписанные ею тексты, которые ей диктовал Тургенев), автор предисловия справедливо пишет, что она была и героиней многих из них. Укажем здесь, что реальный комментарий к единственному среди стихотворений в прозе стихотворному тексту («Я шел среди высоких гор») уточняет уже существующий:⁷ стихотворение воскрешает события 1845 года — путешествие в Пиренеи и восхождение на пик Du Midi de Bigorre. Об этом событии Тургенев неоднократно вспоминал впоследствии. Заметим, что именно это время он назвал в своем «Мемориале» «самым счастливым временем моей жизни».⁸ Оставляя в стороне обнаруженную А. Звигильским связь между стихотворением в прозе «Воробей» и романом Мопассана «Сильна как смерть», что потребовало бы более обстоятельного анализа, скажем, что многие замечания автора предисловия должны быть учтены в будущих изданиях этого цикла, например влияние на восприятие Тургеневым образа Христа скульптурных работ Марка Антокольского («Христос»), масонская символика в стихотворении «Пир у Верховного Существа» и др.

Мы не случайно отвели несколько страниц кратким рецензиям на подготовленные за последние годы А. Звигильским сборники произведений и писем Тургенева — они являются органическим продолжением его неустанной

работы по обнаружению и популяризации творчества Тургенева за рубежом, которая в полном виде представлена в рецензируемых выпусках «Cahiers». Самым привлекательным для нас остается здесь преобладающий архивный или труднодоступный материал, с которым подчас нелегко ознакомиться современному исследователю. Особого внимания заслуживает бережное отношение редактора сборников к забытым именам тех, кто посвятил свою жизнь изучению жизни и творчества выдающихся деятелей прошлого. Так, начатая еще в 8-ом номере «Cahiers» публикация хранившейся в рукописи монографии Гюстава Диолана «Pauline Viardot, tragédienne lyrique» не только завершилась в 10-м номере, но и была в 1987 году выпущена отдельным изданием. Тем самым историческая справедливость, которая отнюдь не всегда торжествует и после смерти исследователя, полностью восстановлена. Аналогичного рода публикацией, о которой мы лишь упомянем, является напечатанная в 10—12-м номерах «Cahiers» биография Марии Малибран, знаменитой сестры Полины Виардо, написанная Анри Воверманом. К подобного рода публикациям можно отнести очерки А. Звигильского «Три французских издателя Тургенева (П.-Ж. Этцель, Жюльетта Адан, Илья Гальперин-Каминский). По неизданным документам» (№ 10. С. 152—173). Герои этой интересной публикации оказались объединенными вместе не только по случайному совпадению юбилейных дат (100-летие со дня смерти Этцеля (1814—1886), 150-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Ж. Адан (1836—1936) и 50-летие со дня смерти И. Д. Гальперина-Каминского (1858—1936)), но прежде всего благодаря имени русского писателя, влияние которого было весьма значительным в жизни всех трех издателей.

Первым из них несомненно должно быть названо имя Пьера-Жюль Этцеля (литературный псевдоним П. Ж. Сталь), который вошел в историю французской литературы не столько в качестве писателя, но прежде всего как крупный издатель произведений Сервантеса, Ш. Перро, Ж. Санд, Бальзака, Стендаля, Гюго, Ж. Верна, А. Дюма и, конечно, Тургенева. В публикации А. Звигильского содержатся любопытные данные о тиражах тургеневских произведений, изданных во Франции. За 25 лет Этцелю удалось издать почти все рассказы и повести Тургенева, составившие 11 объемистых томов. Из них некоторые книги (например, роман «Дым») вышли у Этцеля семью изданиями, роман «Новь» и сборник «Nouvelles Moscovites» — пятью, «Рудин» и «Дворянское гнездо» — четырьмя, сборник «Etranges histoires», «Вешние воды» и «Живые мощи» — тремя. С 1861 по 1875 год Тургенев, по подсчетам автора публикации, получил от Этцеля мизерный гонорар — 1200 франков, что

⁶ Tourguéniev Ivan. Poèmes en prose / Traduction du russe de Charles Salomon revue et présentée par Al. Zviguilsky. Orphée. La Différence, 1990. P. 7—15.

⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. Т. 11.

⁸ См.: Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 344.

⁹ Wauwermans Henri. Maria Félicité Garcia-Malibran-de Bériot d'après des correspondances inédites. Bruxelles, 1902.

объяснялось прежде всего большими издательскими расходами. Было ли издание произведений русского автора на французском языке выгодным предприятием? Как свидетельствуют исследования, скорее нет, хотя они и не издавались, как это казалось А. Доде, «с благотворительной целью». Сам Этьель так объяснил Доде свою заинтересованность в издании сочинений Тургенева: «Я издавал книги русского романиста, хотя знал, что читатель у него не будет многочисленным; я издавал их, потому что они мне нравились, потому что я придавал им большое значение» (№ 10. С. 154). Как верно замечает А. Звигильский, «Этьель действовал, забывая о своих финансовых интересах, из любви к своему делу и потому еще, что считал необходимым познакомить нашу публику с творчеством Тургенева ввиду его общественной значимости и морального вклада писателя в дело улучшения человеческих нравов» (там же). Характерна в этом отношении оценка, которую получил у Этьеля роман «Новь» и его главный герой Соломин. Вот что писал издатель Тургеневу в неопубликованном письме от 15 мая н. ст. 1877 года: «Если у вас есть такие Соломины, то ничто еще не потеряно. У нас их достаточно, именно на них все держится и ими движется. Именно этот медленный рычаг понемногу поднимает любовью тяжести груз и позволяет нам вынести все, не будучи раздавленными. Я был рад и немного удивлен появлением этой книги и именно из-под вашего пера» (там же. С. 154—155).

Тургенев, в свою очередь, тоже оказывал немало услуг французскому издателю в публикации произведений Толстого, Марко Вовчок и других русских писателей, давал ценные советы по поводу «русского» романа Жюль Верна «Мишель Строгов» и т. п.

К сожалению, дружба с Этьелем была омрачена в 1878 году двумя эпизодами. Один из них был связан с выходом в свет нового перевода романа Сервантеса «Дон Кихот», представляя который Этьель, с точки зрения Тургенева, допустил безтактность по отношению к первому переводчику романа на французский язык Луи Виардо. Другой случай — более серьезный — был связан с выходом в свет повести М. А. Маркович «Маруса» в переложении самого Этьеля, причем на обложке имя Марко Вовчок в качестве автора уже не фигурировало, и от него осталось лишь невразумительное: «По мотивам легенды Маркововка». Этот, впрочем, вполне ординарный случай в тогдашней переводческой практике возмутил писателя, который незадолго перед тем принял активное участие в Международном литературном конгрессе в июне 1878 года под председательством Виктора Гюго. Вопрос об авторских правах стоял в центре этого собрания, приуроченного к Всемирной выставке в Париже.¹⁰ Тургенев, которому не раз

приходилось сталкиваться с бесцеремонностью переводчиков, был, очевидно, задет вдвойне — ведь он, по предположению исследователей, познакомил Этьеля с украинской писательницей. Ситуация подогревалась еще и тем, что на конгрессе (где, кстати, Этьель отсутствовал) Тургеневу как сопредседателю Виктора Гюго пришлось пережить немало неприятных минут, отстаивая интересы русских литераторов, переводчиков, театральных деятелей от нападок французов, требовавших соблюдения в России своих авторских прав.

Публикуемое первые письмо Тургенева к Этьелю от 12 февраля 1866 года относится, впрочем, к наиболее благоприятному периоду их отношений (оно уже вошло в 7-й том Писем полного собрания сочинений и писем Тургенева, вышедший в 1990 году). К этому же периоду относится и статья Тургенева, известная у нас под названием «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре». Статья эта была переведена Тургеневым на французский язык и, с некоторыми изменениями, отправлена в виде письма Этьелю 20 мая 1869 года для опубликования ее в каком-либо французском печатном органе. Усилия Этьеля не увенчались успехом, поэтому французский вариант статьи так и остался неопубликованным, хотя он и был учтен в качестве варианта в академическом издании сочинений и писем Тургенева.

Неприятный инцидент с Марко Вовчок, подробно исследованный проф. П. Уоддингтоном,¹¹ не был исчерпан объяснительным письмом Этьеля. Под влиянием Тургенева Этьель вынужден был в последующих публикациях «Маруси» предварять их предисловием, подтверждавшим авторство М. А. Маркович. Отношения между русским писателем и французским издателем заметно охладели, и переписка пошла на убыль. Отметим, правда, что Этьель до конца выполнил свои обязательства и издал еще несколько томов произведений Тургенева.

Говоря о причинах, по которым уже упомянутая статья Тургенева о постановке оперетты «Последний колдун» в Веймаре не была опубликована, А. Звигильский объясняет эту неудачу так: положение Тургенева и семьи Виардо, прочно обосновавшихся в Баден-Бадене и близких к враждебному Франции прусскому двору, было достаточно сложным, да и само имя певичи, давно покинувшей большую сцену, было почти забыто. К тому же статья была написана человеком не только близким к семье Виардо, но и автором либретто. Не мог укрыться от внимательного читателя и общий смысл либретто, исполненного прозрачными и весьма ядовитыми намеками на французского императора.

¹¹ Waddington P. Some New Light on Turgenev's Relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. Vol. LV. № 3. July 1977. P. 342—346.

¹⁰ См.: Waddington Patrick. I. S. Turgenev and the International Literary Congress of 1878 // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 37—70.

Второй очерк о трех издателях Тургенева посвящен известной в свое время писательнице и общественной деятельнице Жюльетте Адан, которая, будучи сторонницей франко-русского союза против Германии, особенно благоволила к русским. Ее популярный салон посещали такие знаменитости, как Флобер (возможно, именно он познакомил Тургенева с Ж. Адан), Ж. Симон, Гамбетта и мн. др. Оставшись после смерти своего мужа-банкира богатой наследницей, она основала в 1879 году журнал «La Nouvelle Revue». С тех пор Ж. Адан, страстная поклонница творчества Тургенева, часто обращалась к нему за помощью и советом. Имя русского писателя числилось среди сотрудников журнала уже в первом номере, а 15 декабря 1879 года здесь был опубликован перевод очерка Тургенева «Человек в серых очках» (в переводе он назывался «Monsieur François»). Публикуемые впервые несколько писем французской писательницы к Тургеневу дают представление о характере их отношений. Так, Ж. Адан пишет Тургеневу 24 августа того же 1879 года: «Мой дражайший и знаменитейший Мэтр, я совершила огромную глупость, сказав вам, что представляю вас читателям первого января. Мне твердят со всех сторон, что я должна заполучить вас к 15 декабря, чтобы с помощью вашей милости, вашего прекрасного и доброго таланта завоевать много подписчиков к январю. Ведь вы не откажетесь помочь мне в этом важном завоевании и я заполучу мой рассказ г. Тургенева 15 декабря. Примите уверение, дорогой Мэтр, в моей благодарности и в моем восхищении» (№ 10. С. 165). Закончив перевод раньше намеченного срока, Тургенев известил об этом Флобера, а на другой день получил взволнованную записку от Ж. Адан, в которой были такие строки: «Простите мое нетерпение, но мне кажется, что покада я не стану обладательницей рукописи Ивана Тургенева, участь моя не будет решена» (там же). Вскоре после смерти Флобера Тургенев обратился к Ж. Адан с просьбой опубликовать в ее журнале неоконченный роман Флобера «Бувар и Пекюше», что и было осуществлено в 1881 году. В том же журнале была впервые опубликована посвященная Флоберу повесть «Песнь торжествующей любви» (15 ноября 1881 года). А узнав из газетного сообщения о новом романе Тургенева о русских и европейских революционерах (текст газетной вырезки воспроизведен в публикации), Ж. Адан немедленно обратилась к Жоржу и Клоди Шамро со следующим письмом: «Мои дорогие дети... Вот что я прочтала в одной газете. Клоди, необходимо, чтобы этот роман был у меня. Я оплачу его золотом...» (5 ноября 1881 года).

15 января 1883 года в «La Nouvelle Revue» под названием «Après la mort» появилась повесть Тургенева «Клара Милич», а уже после смерти писателя — его последний рассказ «Конец» («Une fin»).

Третий очерк в публикации А. Звигильского посвящен Илье Даниловичу Гальперину-Каминскому — ученому, издателю, переводчику

русской литературы на французский язык, основателю в декабре 1883 года в Париже периодического органа с характерным названием: «Le Franco-Russe». Как явствует из заглавия, этот орган должен был печатать материалы, связанные с русско-французскими отношениями. В самом деле, Гальперину-Каминскому удалось познакомить французскую публику со многими произведениями Некрасова, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова и многих других русских писателей. Для тургеневедов особенно интересна деятельность Гальперина в связи с публикацией писем Тургенева к его французским корреспондентам и к Полине Виардо,¹² но этим публикациям предшествовала весьма запутанная и почти детективная история, связанная с пропажей из дома Виардо в Баден-Бадене во время франко-прусской войны писем Тургенева к певице.

В 1887 году Гальперин-Каминский появляется в доме Полины Виардо и сообщает ей, что он знает местонахождение писем Тургенева, однако отказывается назвать имя их владельца, готового вернуть певице драгоценную пачку писем с одним условием: тургеневские письма должны быть обнародованы. Легко было бы предположить, что возмущенная П. Виардо откажется иметь дело с подобным посредником, но Гальперину удалось убедить ее дать согласие на публикацию, что и было сделано, хотя певица, в свою очередь, потребовала, чтобы каждое письмо было ею просмотрено и допущено к печати. Потянулись долгие годы уговоров и переговоров, в течение которых обе стороны проявили завидную настойчивость и терпение. В результате этих почти 20-летних переговоров (часть писем была опубликована несколько ранее в периодике) в Париже вышла в свет книга «Ivan Tourguéneff. Lettres à madame Viardot. Publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky» (Paris, 1907), содержащая 67 писем Тургенева к П. Виардо. Эта публикация, вопреки очевидно вынужденному заявлению издателя, была далеко не полной и представляла лишь небольшую часть писем, да и те, что вошли в том, были подвергнуты строгой цензуре П. Виардо.

Называя работу, проделанную Гальпериним по изданию писем Тургенева, «безупречной», А. Звигильский считает, что первый публикатор писем русского писателя к П. Виардо не был повинен в приписанных ему позднее недостатках издания. Несомненно одно — имя И. Д. Гальперина-Каминского, приложившего много сил к обнародованию эпистолярного наследия Тургенева, не должно быть забыто, а его деятельность на поприще популяризации русской литературы во Франции нуждается в изучении.

¹² Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901; Ivan Tourguéneff. Lettres à madame Viardot. Paris, 1907.

Небольшой очерк А. Звигильского о первом издательском письме Тургенева к французским корреспондентам дополнен в 10-м выпуске «Cahiers» трогательными и поэтичными воспоминаниями о нем дочери одной из его учениц, бережно хранившей память об учителе, открывшем для нее мир русской культуры.

К числу важных публикаций 10-го выпуска «Cahiers» надо отнести письмо Тургенева к Н. А. Герцену, датированное предположительно 20 декабря н. ст. 1877 года. Это десятое из известных уже писем Тургенева к старшей дочери А. И. Герцена, первое из которых датируется 1870 годом — годом смерти Герцена. Наталья Александровна («Тата») еще юной девушкой обратила на себя внимание Тургенева, пронзительно заметившего в ней живой ум и незаурядные способности. В публикуемом письме речь идет о совместном посещении недавно организованного «Общества поощрения и вспомоществования русским художникам в Париже», в деятельности которого Тургенев принял активное участие. Наталья Александровна была, кстати, одаренной художницей, в экспозиции музея в Буживале находится написанный ею маслом очень выразительный портрет отца. В письме Тургенева содержится обещание принести какую-то книгу и какое-то письмо. По предположению А. Звигильского, речь идет о вышедшем только что в Женеве сборнике стихотворений русских политзаключенных «Из-за решетки» (1877) и о подписном листе в пользу русской колонии в Париже (с. 185). Говоря об отношениях между дочерью Герцена, продолжившей дело отца, и Тургеневым, А. Звигильский справедливо отмечает, что они были очень доверительными. Именно Тургеневу Н. А. Герцен предоставила право решать судьбу публикации главы из «Былого и дум», посвященной семейной драме Герценов. Среди документов, представленных в этой публикации, надо отметить два письма Полины Виардо к Тате Герцен, переданных в дар А. Звигильскому внучкой Герцена Жанной Анфу-Моно (1880—1978). Одно из писем содержит в себе приглашение посетить вместе с зятем Герцена Г. Моно и кн. А. А. Мещерским музыкальный утренник на ул. Дуз, а другое является ответом на предложение Н. А. Герцен дежурить у постели больного Тургенева во время похорон Луи Виардо (7 мая н. ст. 1883 года). «Это благое намерение, — писала П. Виардо, — очень меня обяжет, и я уверена, что ваше присутствие будет благотворно для Тургенева. Он всегда говорил о вас как о добром и преданном человеке» (№ 10. С. 187).

В заключение разговора о 10-м номере «Cahiers» скажем несколько слов об интересном комментарии к одному из эпизодов «Дворянского гнезда», который содержится в небольшом сообщении Б. Ф. Егорова «Тургенев и Николай Жеребцов (о двух цитатах из «Дворянского гнезда»)». Речь идет о 28-й и 33-й главах романа, где упоминается (по-французски) термин «кадастр» («le cadastre»). В 28-й главе о нем говорит Паншин, поясняя, что ему в Петербурге поручили

популяризовать идею «кадастра», а во втором случае Лаврецкий, слушая наивные излияния «западника» Паншина, иронически добавляет про себя по-французски: «Le Cadastre».

Как указывает Б. Ф. Егоров, в 1-м номере «Отечественных записок» за 1839 год началось публикация большой статьи Н. Жеребцова «Кадастр», где делалась попытка познакомить русского читателя с приобретающим популярность в Европе способом определения поземельного налога на недвижимую собственность. В статье Жеребцова говорилось о том, что сюда не входила оценка движимости, т. е. денег, капитала. На экземпляре «Отечественных записок» со статьей Н. Жеребцова Б. Ф. Егоровым обнаружена любопытная помета, сделанная неизвестным лицом, которую он полностью воспроизводит в своем сообщении. Анонимный «рецензент», полемизируя с автором статьи, писал о несправедливости подобного способа определения поземельного налога, при котором огромные прибыли с денежного капитала оказываются не обложенными налогом. Он предлагал автору подумать о том, каким образом уравнивать перед лицом закона владельцев движимой и недвижимой собственности.

Говоря о последующей эволюции Н. Жеребцова, Б. Ф. Егоров напоминает, что этот высокопоставленный чиновник, известный сначала как поверхностный европеист, а впоследствии не менее поверхностный славянофил — автор появившегося как раз в начале 1858 года двухтомного сочинения «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie», предназначенного для европейской публики, остался в истории русской общественной мысли как герой разгромной рецензии Н. А. Добролюбова «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (Современник. 1858. № 10). Очень интересен приведенный Б. Ф. Егоровым отзыв о Н. Жеребцове Ал. Григорьева, видевшегося с ним во Флоренции в конце февраля 1858 года. Вполне убедительным выглядит предположение исследователя, что Тургенев, тоже находившийся в это время во Флоренции и постоянно общавшийся с Ал. Григорьевым, мог лично познакомиться с будущим героем добролюбовской рецензии и возможным прототипом одного из героев «Дворянского гнезда». Очень может быть, что именно встреча с Н. Жеребцовым или, по крайней мере, знакомство с его «Опытом об истории цивилизации в России» напомнило Тургеневу статью того же автора о «кадастре», напечатанную в 1839 году. Действие романа происходит в 1842 году, в том самом году, как справедливо напоминает Б. Ф. Егоров, когда Тургенев писал статью «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине». Через 15 лет, накануне грядущих реформ, Тургенев вновь возвращается к вопросам переустройства русского хозяйственного быта, роли дворянства в статье «Несколько мыслей о современном значении русского дворянства», над которой работает в конце 1858 года. И в том и в другом случае вряд ли он мог пройти мимо сочинений Н. Жеребцова.

Факты, изложенные в статье Б. Ф. Егорова, несомненно должны привлечь внимание тургеневедов, так как вопросы, встающие за упомянутым в романе термином («кадастр»), касаются самой сердцевины тургеневского замысла. В кратком изложении речи Лаврецкого, разбившего Паншина «на всех пунктах», не упоминается о «кадастре», но нет сомнения, что и эта мера была им отвергнута среди других «надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания» тех реалий русской жизни, защитником которых выступил в романе писатель. Идея «кадастра», воплощение которой повлекло бы отрыв от земли помещика, поскольку для него более выгодным становилось переведение своей недвижимости в банковский капитал, означала по сути дела отщеснение дворянства как действующей силы в готовящихся реформах. Именно поэтому на раздраженный вопрос Паншина, что же следует делать, Лаврецкий решительно заявляет: «Пахать землю, и стараться как можно лучше ее пахать» (гл. XXXIII). Для сторонников буржуазных преобразований такая мера, как «кадастр», должна была быть более приемлемой. Интересно, что, критикуя в 1858 году ставшего поборником допетровских начал Жеребцова, Н. А. Добролюбов мало уповал на спасительность европейских преобразований на русской почве, хотя и не разделял тогдашних надежд Тургенева на положительную роль дворянства. Тем не менее следует согласиться с Б. Ф. Егоровым, что объективно критика Тургенева усиливала полемический выпад Добролюбова.

Уже упомянутый 11-й номер «Cahiers» составлен в основном из материалов круглого стола в связи с 150-летней годовщиной смерти Пушкина. Названный выпуск открывается перепечаткой из французской газеты «Illustration» статьи «О современной русской литературе. Пушкин — Лермонтов — Гоголь», которая была напечатана в номере от 19 июля 1845 года.¹³ В русском переводе она была впервые опубликована в 1964 году в томе 73 (кн. 1) «Литературного наследства» и атрибутирована Тургеневу. Не имея возможности подробно останавливаться на аргументах, выдвинутых Л. Р. Ланским в пользу этой атрибуции, отметим, что редколлегия второго академического полного собрания сочинений и писем Тургенева не сочла ее вполне доказанной и поместила статью в разделе «Dubia» 12-го тома Сочинений. Очевидно, дальнейшие разыскания смогут внести ясность в этот вопрос, пока же отметим, что редакция французского ежегодника, не выдвинув дополнительных аргументов в пользу авторства Тургенева, поместила эту статью под его именем. На сегодняшний день мы можем быть совершенно уверены лишь в том, что и Тургенев и Луи Виардо (постоянный сотрудник «Illustration») имели прямое отношение к этой публикации, однако ни одного прямого указания

на авторство Тургенева еще не найдено. В качестве дополнительного аргумента в пользу этого авторства приведем пассаж из хранящегося в Национальной библиотеке и еще не опубликованного письма Луи Виардо к Тургеневу от 27 февраля (11 марта) 1851 года. Откликаясь на сообщение Тургенева об успехе постановки его пьесы «Провинциалка», Луи Виардо не без иронии замечает: «Русский Лафонтен уже есть, почему бы не быть русскому Мольеру?» Учитывая, что «русским Лафонтеном» был назван в указанной статье И. А. Крылов и что само сравнение русского писателя с французским или другим иностранным автором было весьма характерным штрихом тургеневского стиля, можно получить искомый аргумент. Но не будем спешить, ибо это сравнение могло попасть в статью при ее переводе на французский язык и именно Тургеневым. А вот был ли он автором этой статьи или же она была написана кем-то другим (например, Белинским), могут показать дальнейшие исследования.

В статье бельгийского профессора (ныне покойного) Александра Гедройца «Речи Тургенева и Достоевского о Пушкине — Москва, 1880» (с. 11—15) дается сравнительный обзор обстоятельств, сопутствовавших названным событиям, которые уже не раз становились предметом исследования. Новым в сообщении А. Гедройца является попытка бросить современный взгляд на русскую проблему, который совпадает у него с точкой зрения Дм. Мережковского, высказанной им в статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908—1909).

Статья американской исследовательницы Н. Натовой «„Анчар“ Пушкина и „Затишье“ Тургенева», несмотря на свой объем, так и не прояснила, на наш взгляд, в чем же состоял смысл тургеневского обращения к пушкинскому тексту. Большая часть этой статьи посвящена подробному пересказу «Затишья». Возможно, исследовательницу несколько сковывала существующая традиция трактовки этого произведения Тургенева как автобиографического, но очевидно, что под внешним слоем событий в повести лежит глубокая философская проблематика, связанная с понятием «свободы», как она понималась Тургеневым и Пушкиным.

Любопытное толкование тургеневских текстов предложено в сообщении А. Звигильского «Пушкинский талисман: место и смысл тайны в трех повестях Тургенева». Оттолкнувшись от вполне конкретного факта (передача Тургеневу в 1875 году сыном В. А. Жуковского Павлом Васильевичем пушкинского перстня-талисмана), А. Звигильский сделал попытку рассмотреть под определенным углом зрения три произведения: «Яков Пасынков» (1855), «Сон» (1876) и «Три портрета» (1846), однако если при анализе «Якова Пасынкова» и «Сна» пушкинский талисман действительно помог исследователю если не разгадать тайну, то открыть некоторые новые аспекты, то в отношении «Трех портретов» указание на связь с талисманом показалось нам несколько натянутым.

¹³ Кстати, здесь на с. 4 допущена опечатка: дата выхода газеты представлена ошибочно (14 июля).

Отметим попутно, что мы целиком принимаем указание А. Звигильского на промах, допущенный во втором академическом издании сочинений Тургенева, где в комментариях к «Якову Пасынкову» (т. 5. М., 1980) оказалось неучтенным письмо Тургенева к П. Виардо от 10/22 февраля 1855 года, опубликованное А. Звигильским еще в 1971 году. Между тем в этом письме, написанном за три дня до начала работы над повестью, содержится тщательно переписанное русскими буквами стихотворение Пушкина «Прощанье», которое присутствует в тексте «Якова Пасынкова». Правда, психологический анализ, предложенный исследователем, может вызвать возражение: он считает, что героиня повести скрывала свои чувства к Асанову от рассказчика, тем самым как бы обманывая его, тогда как на самом деле рассказчик в гораздо большей степени, чем кто бы то ни было, оказывается виновным в изображенной писателем психологической драме. Не только Асанову, но и рассказчику противопоставлен Яков Пасынков, поведение которого остается безупречным с нравственной точки зрения. Вот почему намерк исследователя на параллель Пасынков — Софья — рассказчик и Тургенев — Полина Виардо — Гуно не показался нам здесь уместным. Заслуживает внимания и выглядит гораздо более убедительной мысль исследователя о том, что в центре повести стоит не столько сама любовная история, сколько тонкий психологический анализ последствий нарушения непреложных законов любви, что равносильно предательству, которое карается судьбой. В повести «Яков Пасынков» таким предательством является, с одной стороны, хвастовство Асанова письмами Софьи, с другой — чтение рассказчиком одного из этих писем. Письма в данном случае играют роль символа, талисмана, печати, скрепляющей двух любящих. А. Звигильский проводит смелую параллель с судьбой Пушкина, который, по его мнению, нарушил клятву, данную Е. К. Воронцовой, и был наказан за это роковой дуэлью. Возможно, что такая мистическая подоплека смерти поэта и приходила на ум Тургеневу, но почему тогда, спросим мы исследователя, в повести умирает не рассказчик, совершивший неблагоприятный поступок, не Асанов, а именно Яков Пасынков?

Рассказ «Сон», о котором идет далее речь, был написан Тургеневым в 1876 году, уже после того, как он стал обладателем пушкинского талисмана. Заметим, что тема «сна», как верно указывает А. Звигильский, играет важную структурообразующую роль и в «Якове Пасынкове». Согласимся, что сюжет с магическим кольцом, фигурирующий в рассказе «Сон», действительно связан с пушкинским талисманом, хотя продолжать аналогию со стихотворением Пушкина «Талисман» мы бы в данном случае не решились. Что же касается анализа повести «Три портрета», предложенного исследователем, то он показался нам в высшей степени загадочным (с. 33).

Сообщение Тамары Звигильской «Пушкин, Тургенев, Полина Виардо», где прослеживается

зримое и незримое присутствие творчества поэта в отношениях между Тургеневым и П. Виардо, сопровождается интересной публикацией письма Тургенева к директору Комеди Франсез Эмилю Перрену (предложенная датировка — 8 февраля 1877 года). Имя Перрена уже встречалось в переписке Тургенева, но это письмо еще раз показывает, насколько озабочен был писатель проблемой знакомства западной публики с творчеством Пушкина. Посылая своему корреспонденту том драматических произведений Пушкина, переведенных в 1862 году самим писателем при помощи Луи Виардо, он сообщает об удачной постановке в театре Сен-Мартен «Каменного гостя» с участием одного из актеров Комеди Франсез. Очевидно, именно тогда и возникла мысль попытаться поставить одну из «маленьких трагедий» на французской большой сцене, что, к сожалению, было невозможно, так как переводные пьесы не было принято ставить во Франции (исключение было сделано лишь для Шекспира). «На мой взгляд, — писал Тургенев, — драма Пушкина достойна Шекспира, смею думать, что и вы разделите это мнение» (№ 11. С. 48). Рекомендовал он в этом же письме прочесть монолог Скупого рыцаря.

Публикации в 11-м номере «Cahiers», связанные с именем Пушкина, завершаются каталогом пушкинской выставки, сделанной в музее Тургенева в Буживале. Среди экспонатов, представленных из разных музеев Франции и частных коллекций, подлинные документы и редкие издания, копии писем и рабочих рукописей (среди них — перевод стихотворений Пушкина, выполненный Тургеневым, с правкой Флобера) и другие ценные материалы. Специальная статья посвящена одному из экспонатов — паре дуэльных пистолетов, один из которых был заряжен роковой пулей.

В этом же номере напечатаны семь писем Полины Виардо к П. В. Анненкову, написанных уже после смерти И. С. Тургенева. Эти письма долго хранились в архиве Гальперина-Каминского, но в 1975 году были проданы на аукционе Отеля Дроу. Как пишет публикатор, эти письма «дышат откровенностью и говорят о верности певицы памяти своего ушедшего друга». Она охотно предоставила Анненкову возможность ознакомиться с письмами русских корреспондентов Тургенева и отобрать те, которые представляли определенную ценность. Лишь письма Ю. П. Вревской и М. Г. Савиной не были переданы ею Анненкову: как пишет сама П. Виардо, она не читая предала их огню. Этот факт, кстати, еще раз подтверждает версию о том, что П. Виардо могла уничтожить свои письма к Тургеневу, которые он несомненно тщательно хранил. К сожалению, публикуемые письма дают мало сведений о судьбе архива Тургенева, судьбе, в которой еще остается немало белых пятен.

Комментируя один из пассажей письма П. Виардо от 16 октября 1884 года, публикатор допускает небольшую неточность. «Я огорчена тем, что в России поднялась волна неприязни

к этому столь доброму, столь щедрому человеку! — писала певица. — Именно эта почти слепая щедрость вынуждает его, нет, *нас* страдать, видя, как марают его имя! Представьте, что здесь, в Париже, он слыл за тайного нигилиста! Он так много помогал этим несчастным, сделал для них за свою жизнь столько добра, что, *по закону злых сердец*, они, естественно, должны были отплатить ему злом после смерти» (с. 67). Вряд ли, как говорится в комментарии, речь шла в этом пассаже об Исааке Павловском, которому Тургенев действительно покровительствовал и который отплатил писателю тем, что в 1887 году опубликовал воспоминания о нем, где привел будто бы слышанные от Тургенева неблагоприятные отзывы о французских писателях — Доде, Золя, Гонкурах и др. Но воспоминания Павловского вышли в 1887 году, а письмо написано в 1884-м, да и весь контекст подсказывает, что речь в письме Анненкова шла о каких-то массовых акциях. Совершенно очевидно, что Анненков рассказал П. Виардо о выступлениях русских революционеров в связи со смертью Тургенева, и прежде всего о статье П. Л. Лаврова, опубликованной за рубежом и перепечатанной без комментариев М. Н. Катковым в «Московских ведомостях».¹⁴

Упомянем еще об одном письме Тургенева, опубликованном в 11-м номере «*Cahiers*»: это письмо от 18 мая 1872 года к К. Сен-Сансу, близкому другу П. Виардо, большому поклоннику ее таланта, посвятившему ей свою оперу «Самсон и Далила». Но в письме Тургенева речь идет о симфонической поэме Сен-Санса «Прялка Омфалы», партитуру которой Тургенев должен был передать Н. Г. Рубинштейну.

На обложке вышедшего в 1988 году 12-го номера «*Cahiers*» значатся три имени: лорда Байрона, 200-летие со дня рождения которого отмечалось в 1988 году во всем мире; Жоржа Бизе, родившегося 150 лет назад, и дочери писателя Полинетты Тургеневой, скончавшейся 70 лет назад, в 1918 году. Здесь же опубликовано неизвестное ранее письмо к Тургеневу Г. Н. Вырубова, известного ученого, с которым Тургенева связывали добрые отношения.

Номер открывается статьей А. Звигильского «Тургенев и лорд Байрон», где дается обзор многочисленных высказываний Тургенева в разные периоды жизни о великом английском романтике — от первых «байронических» поэм до прямых цитат в предсмертных «Стихотворениях в прозе». Как известно, еще в 18-летнем возрасте Тургенев перевел «Манфреда» (перевод не сохранился), но нас более интересует другой, сохранившийся перевод из Байрона, сделанный Тургеньевым: речь идет о переводе в 1845 году стихотворения Байрона «Тьма» («*Darkness*»), напечатанного с цензурными изъятиями в следующем году в «Петербургском сборнике». Эта неполная публикация воспроизводилась в обоих

академических изданиях Тургенева, тогда как еще в 1883 году в 1-м томе «Сочинений лорда Байрона в переводах русских поэтов» (с. 48) был напечатан полный текст тургеневского перевода. Именно этот текст был помещен в первом томе вышедшего в 1987 году в издательстве «Художественная литература» 2-томника Байрона. Остается, правда, неясным, по какому источнику печатался полный текст, поэтому для того, чтобы он включался в будущем в издание сочинений Тургенева, необходимы дополнительные разыскания. Заслуживает внимания указанная А. Звигильским связь между образом английского поэта и героическим образом Инсарова в романе «Накануне», на страницах которого встречается и прямая цитата из поэмы «Чайльд Гарольд».

Статья Тамары Звигильской «Тургенев и его дочь в их переписке» (с. 17—57) предшествует публикации двух писем В. Д. Бонч-Бруевича, обращенных к внучке писателя Жанне Брюэр-Тургеневой, которой в 12-м номере посвящена отдельная статья Клода Курто. Внучка Тургенева (а она всегда подписывалась этим именем) была личностью яркой и привлекательной. Она очень гордилась своим дедом и бережно хранила память о нем. В начале 30-х годов она решила передать в Россию часть семейного архива, по случаю чего и состоялась ее переписка с Бонч-Бруевичем, организатором и первым директором Государственного литературного музея в Москве в 1933—1939 годах. Она сама писала стихи и переводила. На страницах 12-го номера напечатано одно из ее стихотворений (с. 73) и перевод Тургенева стихотворения в прозе «Пир у Верховного Существа» (с. 74). Публикация Клода Курто в особенности ценна тем, что он сохранил живые воспоминания о внучке Тургенева, которыми поделился с читателями. Отмечая ее живой ум, большую литературную и музыкальную культуру, знание нескольких иностранных языков, умение вести интересную беседу; автор воспоминаний о Жанне Тургеневой приводит несколько ценных сведений, которые не могут не привлечь внимания тургеневедов. Например, мы узнаем, что Жанна Тургенева давала музыкальные уроки отцу мемуариста, что некоторые ее стихи были положены на музыку, что она легко транспонировала различные музыкальные мелодии. Однажды она подарила Клоду Курто книгу из своей библиотеки, которая оказалась вдвойне ценным подарком. На ее страницах сохранились многочисленные пометы, сделанные дочерью Тургенева Полинеттой. Книга аббата А. Лорана «Музыкальные знаменитости» («*Les Gloires de la musique*») содержала краткие биографии современных французских музыкантов и в 1886 году вышла вторым изданием. Многие записи воспроизводятся в статье К. Курто. Так, на странице, посвященной Россини, Полинетта Тургенева написала: «Я его очень хорошо знала! Он похвалил мой голос. Я брала урок у г-жи В. и пела: „Я потерял мою Эвридику. Глюк“». Против имени Берлиоза читаем следующую запись: «Я встречала его так часто и так близко в семье Виардо, что могла бы подписаться: „Ваша

¹⁴ См. об этом в разделе «Тургенев и русское революционное движение» 76-го тома «Литературного наследства».

маленькая подружка!“. А на странице, посвященной Гуно, встречаем такую запись: «Как же! Я в особенности хорошо знала Гуно, он был другом моего Отца (он исполнял у нас «Фауста» еще тогда, когда никто не подозревал, что он станет оперным шедевром)». Эти записи как нельзя лучше передают нам живой облик дочери Тургенева, судьба которой была полна тяжких испытаний. Упомянутая выше статья Т. Звигильской, посвященная перипетиям этой трагической судьбы, значительно расширяет представления об отношениях Тургенева с дочерью, прослеживает все ее этапы, подкрепляя каждый шаг многочисленными документами, сохранившимися до наших дней.

Важным дополнением к этой статье является публикация девяти писем матери Полины Виардо Хоакины Гарсиа к дочери русского писателя, принятой в семью Виардо в 1850 году в возрасте восьми лет. Эти письма, хранящиеся в архиве парижской Оперы, были переданы туда внучкой писателя. Из них видно, что мать Полины Виардо до конца дней сохранила сердечную привязанность к Тургеневу и его дочери, которую называла «своей маленькой дочуркой». Хоакина Гарсиа умерла в Брюсселе в возрасте 84-х лет в 1864 году и была похоронена рядом со своей дочерью Марией Малибран, умершей 28-ми лет от роду в 1836 году. Она, так близко к сердцу принявшая горестную судьбу русского писателя и его дочери, не дожидая до того времени, когда Полинетта вынуждена была уйти от мужа и скитаться со своими детьми, а потом, оставшись после смерти отца почти без средств к существованию, проиграла судебный процесс единственной наследнице Тургенева Полине Виардо и скончалась в Париже 12 октября 1918 года. Официальный протокол, воспроизведенный на с. 58 12-го выпуска, лучше любого романа свидетельствует о горестях, выпавших на ее долю: «Двенадцатого октября тысяча девятьсот восемнадцатого года, в 7 часов 30 минут скончалась в своей квартире на авеню Мозар, 81, Пелагея (Полина) Тургенеф, рожденная в Спасском (Россия) 14 мая 1841 г., без определенных занятий, дочь Ивана Тургенева и супруги умерли. (Других сведений не имеется). Вдова Гастона Брюэра. Протокол составлен 14 октября 1918 г.».

Еще один документ — письмо Тургенева к Франсуа-Мари Шамро, отцу зятя Виардо — публикуется на с. 59 того же выпуска «Cahiers». В этом письме от 2 декабря 1873 года Тургенев приглашает своего знакомого поохотиться в арендованных им лесах в окрестностях Ружмона, где в это время жила семья его дочери. Эти охоты, на которые он нередко приглашал и Луи Виардо, стоили писателю дорого, так как в лесах бродило много браконьеров и ему приходилось оплачивать нанесенный ими ущерб. Как отмечается в комментариях к письму, охота не была удачной, и Тургеневу пришлось вместо обещанной косули послать Жорж Санд бочонков с устрицами.

Небольшое сообщение Пьера Микеля о коллекции картин, собранной Тургеневым и про-

данной им за бесценку в связи с денежными затруднениями, является продолжением двух его статей на эту тему, которые были напечатаны в 5-м и 7-м выпусках тургеневских тетрадей.

Личность Г. Н. Вырубова, известного в свое время философа и ученого-химика (1843—1913), основавшего вместе с Э. Литтре позитивистский журнал «Revue de la Philosophie positive», не очень привлекала к себе внимание тургеноведов. В 12-м номере «Cahiers» ему, однако, посвящены две публикации. Одна, впервые напечатанная в 1914 году, принадлежит И. Копо и носит скорее биографический характер, другая, подготовленная А. Звигильским, содержит в себе новые сведения об отношениях Тургенева с этим видным научным и общественным деятелем, знакомство с которым состоялось в январе 1873 года. Из переписки Тургенева с Вырубовым сохранилось лишь 20 писем русского писателя и одно — его друга, но в публикации Звигильского воспроизведен текст еще одного письма Вырубова (от 9 февраля 1872 года), в котором он откликается на присланную ему повесть «Вешние воды» (с. 86). Г. Н. Вырубов был видным франкмасоном. В 1877 году при его участии из устава «Великого Востока Франции» было исключено понятие «Великого Архитектора Вселенной» как несоответствующее духу ордена, в который входили как верующие, так и неверующие. Живущий в Париже внучатый племянник Г. Н. Вырубова Н. Вырубов познакомил автора публикации с «Речью Брата Вырубова», напечатанной в 1876 году в парижском «Monde Maçonique». Он же передал в дар Буживальскому музею часть книг из библиотеки своего дяди. Принадлежность к масонству давала повод считать его «опасным революционером», к тому же он общался с русскими эмигрантами — Бакуниным, Герценом, Лавровым, что, как пишет А. Звигильский, совсем не соответствовало подлинной сути «этого либерала и мирного ученого» (с. 85). Тем не менее он участвовал в нескольких военных кампаниях — в войне с Пруссией, в карлистской войне в Испании, а также в русско-турецкой войне на Кавказе в 1877 году. После смерти Герцена он, согласно завещанию, подготовил его собрание сочинений в 10-ти томах, которое вышло в Женеве в 1875—1879 годах. 13 лет спустя после траурной церемонии похорон А. И. Герцена, где он произнес надгробную речь, ему пришлось еще раз исполнить печальный долг, провожая гроб с телом И. С. Тургенева в Россию. Автограф надгробной речи Г. Н. Вырубова, произнесенной им на Care du Nord, хранится в музее Буживаля и был воспроизведен в 7-м номере рецензируемых выпусков.

Много любопытных и живых черт из жизни семьи Виардо во время революции 1848 года содержится в сообщении Жана Малавье «Дезире Низар (1806—1888) и семья Виардо» (с. 92—97). Здесь приводятся многочисленные выдержки из писем видного критика и историка французской литературы Д. Низара к жене,

где он чрезвычайно красочно и откровенно описывает свои посещения дома Виардо и впечатления от выступлений знаменитой певицы. Эти своеобразные зарисовки тем более любопытны, что написаны они человеком, придерживавшимся прямо противоположных политических взглядов, чем те, которые царили в республикански настроенной семье Виардо. Прославившийся человеком прямым и даже резким, Д. Низар не считал нужным скрывать свои убеждения и мог, например, спросить у республиканца Луи Виардо, не хочет ли он поделить с со своими братьями по партии теми гонорами, которые заработала его жена при монархическом режиме (с. 95). Ему не по душе было присутствие в доме Виардо разных политических эмигрантов, которые «вместо того чтобы сражаться у себя дома, мечтают о возведении у нас новых баррикад» (речь идет о Герцене и Георге Гервеге; с. 96).

Объясняя появление на обложке 13-го номера «Sahiers» имен М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. И. Тургенева, редактор написал: «Случайное совпадение календарных дат соединило на страницах этого выпуска имена двух русских, из которых один родился в год французской революции 1789 года, а другой умер ровно столет назад, в 1889 году. Два соотечественника никогда не встречались: возраст, социальное положение и место проживания — все их разделяло. Николай Тургенев, аристократ, франкмасон, теоретик декабризма и крестьянской реформы, проведший во Франции большую часть своей жизни, был 37-ю годами старше М. Салтыкова-Щедрина, чиновника, сросшегося корнями с жизнью провинциальных русских городов, безжалостного наблюдателя подчас нестерпимой действительности, которую он умел описывать, надеясь на светлое будущее. И все же хотя бы в одном они сходятся: в том особенном патриотизме, который, возвышаясь над простой любовью к России, становится всемирным» (с. 1). И еще одно связывало этих двух людей — любовь к ним обоим И. С. Тургенева.

В первой части номера, открывающегося впервые опубликованной на французском языке некрологической статьей Салтыкова-Щедрина «И. С. Тургенев», напечатаны сообщения участников круглого стола «Тургенев и Салтыков-Щедрин», который был организован осенью 1989 года в Буживале. Открывая заседание, президент «Общества друзей Тургенева, Полины Виардо и Марии Маллибран» отметил сравнительно малую известность автора «Истории одного города» во Франции, трудности в передаче на французском языке щедринского языка и в то же время актуальность творчества великого сатирика, продолжателя Гоголя, ответственность его сатиры сатирическому методу автора «Буvara и Пекюше». «История одного города» — не только сжатая история России, в ней содержатся и предсказания, которые сбываются уже в XX веке с приходом сталинской диктатуры. Усмотрел выступавший и другую актуальную аналогию представителю современ-

ного нам «общества потребления» в образе Иудушки Головлева. В этом умении уловить наиболее типичные черты эпохи, беспощадном реализме таится близость творческих методов Салтыкова-Щедрина и Тургенева, которых автор вступительного слова отнес, воспользовавшись определением Тургенева, к «центральной натуре» (с. 4—5).

Первые опубликованной во французской прессе оказалась и рецензия Тургенева на английский перевод «Истории одного города», вышедшая в начале 1871 года в Лондоне на английском языке (с. 8—9). Во второй части выпуска, посвященной Н. И. Тургеневу, напечатаны впервые по-французски перевод тургеневского некролога «Н. И. Тургенев» и французский вариант речи И. С. Тургенева на обеде 19 февраля 1863 года (с. 45—53).

Автор солидной докторской диссертации «La Société russe de la seconde moitié du XIX-e siècle. Trois témoignages littéraires: Saltykov-Chitchédérine, Gleb Uspenskiy et Pisemski» (Bruxelle, 1972. 330 p.) Жан Бланков озаглавил свое сообщение коротко: «Салтыков-Щедрин и Тургенев». Раздумывая над судьбой литературного наследия Салтыкова-Щедрина, который, в отличие от Тургенева, до сих пор почти неизвестен на Западе, Ж. Бланков попытался объяснить этот феномен не только сложностями перевода на иностранные языки своеобразного языка писателя-сатирика, но и особенностями его творческого метода, оказавшегося чужеродным для западного сознания. Любопытен и такой факт: произведения Салтыкова-Щедрина гораздо быстрее оказались принятыми не во Франции, а в Германии и в особенности в Англии — в странах, где искусство политической сатиры было более развитым. Первые немецкие и английские переводы произведений Щедрина появились уже в 1860 году, тогда как во Франции — в небольших отрывках и мизерными тиражами (211—212 экз.) — лишь в начале 1880-х годов (с. 12—13). Серьезное владение лучшими образцами отечественного щедриноведения (работы С. А. Макашина, А. С. Бушмина, Е. И. Покусаева и др.) позволило автору глубоко ставить вопрос о значении творчества Щедрина в литературно-общественном движении второй половины XIX века, определить основные этапы его творческой эволюции. Признавая вслед за Горьким, что без изучения произведений великого сатирика нельзя познать глубинные изменения в русской общественной жизни, Ж. Бланков считает, что художественные особенности творческого метода сатирика исследованы не в той степени, какой заслуживают. В частности, ученый обращает особое внимание на такой известный прием сатирика, как использование литературных персонажей, и демонстрирует, каким образом, вводя героев Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Щедрин высказывал свое отношение к эволюции общественных идей, претерпевших значительные изменения со времени создания «Недоросля» и «Горя от ума», «Мертвых душ» и «Рудина» и т. д.

Именно через сатирическое использование тургеневских героев в произведениях Салтыкова-Щедрина Ж. Бланков показывает непримиримые общественно-политические разногласия между двумя писателями. Критическое отношение сатирика к установившейся во Франции Третьей республике, где «канкан стал позорным символом новой парламентаристской Франции» (с. 16), где упадок нравов был сравним лишь с эпохой заката Римской империи, усилило радикальные настроения Щедрина и побудило его занять непримиримую общественную позицию. Он приходит к убеждению, пишет Ж. Бланков, что русский либерализм — как и парламентаризм Третьей республики — есть лишь обман, а его защитники становятся объектом самой острой сатиры. Результаты реформы 1861 года свидетельствуют в глазах писателя о полной несостоятельности либеральных идей, сторонником которых он считал и «человека 62 года» Тургенева. В то же время нельзя не признать, пишет ученый, что оба писателя, при всей разнице в убеждениях, в личном общении проявили глубокое уважение друг к другу, о чем свидетельствует вся история их непростых отношений.

Как бы продолжая тему, начатую бельгийским исследователем, Н. С. Никитина в своем докладе «Иван Тургенев и Салтыков-Щедрин: личные и творческие связи» обратила внимание не на то, что разделяло двух писателей, а на то общее, что сближало их не только лично, но и творчески. Не принявший первых произведений сатирика, Тургенев в конце концов признает, что место, которое Щедрин занимает в русской литературе, принадлежит только ему и никем не может быть оспорено. Он становится пропагандистом его творчества за рубежом. Как верно замечает исследовательница, он мог обнаружить в произведениях Щедрина черты, родственные его собственному художественному видению. «Разве Дон Кихот Сервантеса и Гамлет или король Лир Шекспира не облеклись плотью и кровью на страницах его собственных романов и повестей?» — задает вопрос Н. С. Никитина, говоря о близости творческих установок двух писателей (с. 25). Отмечая влияние Тургенева, побудившего сатирика обратиться к романной форме, Н. С. Никитина поделилась своими впечатлениями от работы над черновым автографом «Отцов и детей», недавно приобретенным Институтом русской литературы (Пушкинский Дом). Знакомство с автографом подтверждает, что Тургенев с самого начала работы над романом делал установку на объективное изображение своих героев, в том числе и Базарова, о чем он писал Щедрина 3/15 января 1876 года. Заслуживает внимания и обнаруженная исследовательницей родственность сюжетов «Господ Головлевых» и «Степного короля Лира», написанного Тургеневым тремя годами раньше (с. 28), а также параллель между героем тургеневской статьи «Гамлет и Дон Кихот» и автобиографическим героем щедринского «Приключения с Крамольниковым» (с. 30).

Сообщение известного французского ученого, специалиста по русско-французским связям Мишеля Кадо было посвящено другой интересной теме: оно называлось «Une guerre de publicistes: la polémique entre Saltykov et Dostoïevski» («Война публицистов: полемика между Салтыковым и Достоевским»; с. 31—36). Интересен вывод исследователя о том, что «читателю XX века эти старые споры могут показаться гораздо менее удаленными от нас, чем это кажется на первый взгляд». «Социализм, утопия, свобода слова, женская эмансипация, „красный конформизм“ или тирания местных князьков — эти и другие проблемы, поднятые обоими писателями перед русской публикой, — не сохраняют ли они свою актуальность, может быть под другими названиями, как для Западной, так и для Восточной Европы?..» (с. 36).

Раздел выпуска, посвященный Салтыкову-Щедрину и Тургеневу, включает каталог интересной выставки, подготовленной усилиями Т. Звигильской и Н. С. Никитиной, которая привезла несколько экспонатов в дар музею Тургенева в Буживале от Пушкинского Дома.

Второй раздел выпуска посвящен памяти Н. И. Тургенева, человека, близко связанного с писателем в годы, проведенные во Франции (в 1874 году И. С. Тургенев становится соседом Н. И. Тургенева по Буживалю). Уже упомянутые публикации: некролог Н. И. Тургенева и речь И. С. Тургенева на обеде 19 февраля 1863 года, который состоялся в доме декабриста, — лучше всего характеризуют близость идейных убеждений, глубокую личную симпатию, огромное уважение, которые никогда не были омрачены никакими разногласиями. Этот раздел выпуска дополнен каталогом выставки, посвященной Н. И. Тургеневу, и сообщением Т. Н. Трофимовой о нескольких книгах из библиотеки братьев Тургеневых (хранятся в Пушкинском Доме) с дарственными надписями, сделанными рукой И. С. Тургенева.

13-й выпуск содержит еще несколько интересных сообщений, на которых мы не будем останавливаться подробно: это статья Бригитты Кояма Ришар «Судьба Тургенева в Японии» (с. 69—83), название которой говорит само за себя, статья А. Розанова «Лирические сезоны П. Виардо в России», автора хорошо известной русским читателям монографии о певице (с. 85—95), интересный этюд об одной из выдающихся учениц Полины Виардо Аглае Оргени, с которой был знаком и Тургенев, Класуса Фишера (с. 97—104), хроника жизни Общества друзей Тургенева, П. Виардо и М. Малибран, которая всегда увлекательна и помещается в каждом выпуске «Cahiers». Как и другие выпуски, 13-й номер украшен прекрасного качества иллюстрациями.

Отдельно следует упомянуть небольшую публикацию на с. 118—120 двух неизвестных ранее писем Тургенева к племяннице Луи Наполеона принцессе Матильде, художественный салон которой посещали Мериме, Флобер и

многие другие видные литераторы, среди которых был и Тургенев. Оба письма содержат вежливый отказ Тургенева на приглашение посетить ее салон и датируются 1878 годом. Возможно, что со временем будут найдены и другие документальные свидетельства об этом знакомстве Тургенева.

В конце номера, среди других некрологов, помещен и некролог С. А. Макашина (1906—1989), написанный Н. С. Никитиной (с. 124—125).

Появление на обложке 14-го выпуска «Cahiers» имен А. Ламартина, А. Доде и Э. Золя вызвано тремя знаменательными датами: 200-летием со дня рождения великого французского романтика и 150-летием со дня рождения двух выдающихся представителей французского реализма. Но если личное знакомство Тургенева с Ламартином не переросло в дружбу, то отношения его с А. Доде и Золя относятся к интереснейшим страницам русско-французских литературных связей.

Раздел 14-го выпуска открывается перепечаткой из труднодоступного ныне издания ламартиновских бесед о литературе («Cours familier de littérature. Un entretien par mois par M. de Lamartine» — популярного курса, выходившего еженедельно в Париже в 60-е годы, — вышло 28 томов) двух бесед, целиком посвященных Тургеневу. Как известно, Тургенев скептически оценил этот изобилующий неточностями и досадными курьезами этюд о себе, однако сам факт появления во французской печати восторженного отзыва французского мэтра о русском писателе не мог не польстить Тургеневу. Адресат напечатанного в качестве приложения к этой публикации письма Мериме от 16 апреля 1864 года ранее считался неизвестным. Идентификация личности неизвестного адресата Мериме с А. Ламартином значительно повышает ценность этого письма, в котором Мериме упрекает своего корреспондента за слишком поверхностное отношение к творчеству Пушкина, называя его лирику «самым совершенным из всего, что появлялось со времен древних греков» (с. 16). Это письмо подсказывает и возможного посредника между Тургеневым и Ламартином, с которым писатель встретился в первой половине апреля 1864 года, — им мог быть Проспер Мериме, автор первой развернутой статьи о Тургеневе, напечатанной в июле 1854 года во влиятельном французском журнале «Revue des Deux Mondes».

Перепечатка в переводе на французский язык отрывка из статьи академика М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника“», где исследовались отношения Ламартина и Тургенева (с. 17—25), удачно дополняет публикации этой части выпуска. Столь же уместной выглядит и публикация статьи дижонского профессора Шарля Курбе «Ламартин и Россия», опубликованной впервые в 1966 году в сборнике научных трудов, посвященных акад. М. П. Алексееву. Публикация материалов, связанных с русской темой в творчестве французского романтика, завершается впервые напечатанным в 14-м но-

мере «Cahiers» письмом Александра I от 16 августа 1824 года к А. Ламартину, в котором русский царь благодарит поэта за присланное ему письмо и с большой похвалой отзывается о его стихах, «известных ему с давних пор» (с. 36). Как всегда, письмо сопровождается его факсимильным воспроизведением, что придает особую научную ценность публикациям, впервые обнародованным в рецензируемом издании. К юбилею Ламартина в Буживале была организована выставка, каталог которой напечатан на с. 38—41.

Кажется, у нас в стране 150-летний юбилей двух выдающихся французских писателей-реалистов — Эмиля Золя и Альфонса Доде — прошел незамеченным. Одногодки, соратники по литературной борьбе, оба они давно уже стали частью нашей культуры, их сочинения многократно издавались и переиздавались, но мало кто помнит сейчас, что их вращение в русскую культуру произошло не случайно и не само собой. Между ними и благодарным русским читателем, принявшим новые имена в свой пантеон, был посредник, имя которого осталось за кулисами шумного успеха французских авторов. Этим посредником был их друг и великий современник И. С. Тургенев.

И не случайно именно в Буживале, последней пристанище русского писателя, состоялась 11 ноября 1990 года конференция, посвященная их общему юбилею. В ней приняли участие около 100 человек, включая ученых из разных стран. Открывая ее, президент Общества напомнил вкратце историю возникновения ставшего впоследствии знаменитым литературного содружества — так называемой «группы пяти», в которую вошли Флобер, Тургенев, Э. Гонкур, Золя и Доде. При всем различии творческих установок, при всей сложности личных отношений, сказал он, вряд ли стоит преуменьшать значение этого кружка, оказавшего заметное воздействие на литературное движение 70-х годов прошлого века. Если Тургенева и Флобера связывала близкая дружба и полное взаимопонимание, то отношения русского писателя с Золя были скорее деловыми и касались прежде всего сотрудничества французского писателя в русской прессе. Тургенев не только содействовал становлению писательской славы Золя, он помог русскому читателю приобрести в его лице незаменимого журналиста и литературного критика, знакомившего русскую публику с новинками культурной жизни Франции и опубликовавшего на страницах «Вестника Европы» целую серию блестящих статей, которые, будучи собранными вместе, составили несколько томов.

Не менее значительной, хотя и гораздо менее изученной, была роль Тургенева в популяризации творчества другого выдающегося мастера французской прозы — Альфонса Доде. Между автором «Записок охотника» и автором «Писем с мельницы», помимо личной симпатии, было нечто общее в решении чисто художественных задач, что, по мнению А. Звигильского, усиливало интерес Тургенева к творчеству своего младшего литературного собрата.

Утреннее заседание вела г-жа Колеетт Беккер, одна из ведущих французских знатоков творчества Золя, принимавшая самое активное участие в выходившем в то время полном собрании писем французского писателя. Она же зачитала представленный П. Р. Заборовым доклад на тему «Эмиль Золя, интервьюируемый русскими», заметив при этом, что исследователи должны с осторожностью относиться к разного рода интервью, в которых журналисты интерпретируют то или иное высказывание самым превратным образом. Впрочем, и сам автор доклада, опубликованного на с. 65—72, вполне согласен с этим тезисом. И все же многое в этих интервью, которые остались рассыпанными в русской периодике, следует признать подлинным: нередко Золя цитирует буквально, и печатный текст доносит до нас живую интонацию, настроение писателя (с. 65). Почти все интервью относятся к последнему десятилетию жизни Золя, когда слава его была в полном расцвете и даже в России он был едва ли не самым читаемым писателем. Романы его были переведены все, а некоторые вышли даже в нескольких переводах. Естественно, что многие интервьюеры стремились узнать тайны творческой лаборатории писателя, подробности его личной жизни, интересовали его отношениями с русскими писателями, прежде всего с Тургеневым. Основная часть сообщения П. Р. Забокова посвящена тем интервью с Золя, в центре которых стояло «дело Дрейфуса». Золя охотно принимал журналистов из России и не скрывал своего раздражения против французских властей, прессы, общественного мнения, позоривших, с его точки зрения, Францию перед всем миром.

Доклад молодой французской исследовательницы Алин Фифис был посвящен очень интересному эпизоду из истории русско-французских связей — сотрудничеству Альфонса Доде в Санкт-петербургской газете «Новое время». Подробно изучив русские корреспонденции Доде (любопытно, что некоторые из них так и не были опубликованы по-французски и известны лишь в русском переводе), А. Фифис сравнила их с корреспонденциями Золя в «Вестнике Европы» и пришла к выводу, что в отличие от своего более популярного собрата Доде не использовал «слово, предоставленное ему за границей, чтобы опубликовать статьи, которые были бы осуждены у него на родине, как например статья Золя против Виктора Гюго, не использовал и возможности познакомить читателей с новой литературной школой. Доде не создавал специальных корреспонденций для русской прессы... он довольствовался тем, что предложил родине Тургенева публикации в духе всего своего творчества» (с. 81). Заслуживает внимания и попытка А. Фифис высветить роль Тургенева в установлении творческих контактов Доде в России, и анализ обстоятельств, связанных с переменной отношения Доде к Тургеневу-человеку, случившейся после публикации печально известной книги Исаака Павловского «Souvenirs sur Tourguéniev» в 1887 году.

В докладе Н. П. Генераловой «Эпизод творческих отношений Тургенева и Золя 1876 года (неосуществленный замысел статьи Тургенева о Жорж Санд)» сделана попытка объяснить, почему же Тургенев не стал возражать Золя, как он обещал, и не оспорил некоторые положения, высказанные в некрологической статье о Жорж Санд («Вестник Европы»). Среди причин, по которым Тургенев не вступил в полемику с Золя, называется и то, что в июньском номере «Дневника писателя» на смерть Ж. Санд успел откликнуться Ф. М. Достоевский. В двух частях этой большой некрологической статьи он высказал идеи, во многом совпадающие по смыслу с теми, что были высказаны в небольшой статье Тургенева, опубликованной в виде письма редактору газеты «Новое время». Статьи Достоевского и Золя оказались полемичными по отношению друг к другу, что было сразу замечено критиками. Русские литераторы приняли сторону Достоевского, более того, именно с этой статьи Золя (а затем и статьи о Гюго) началась переоценка его творчества в России.¹⁵ Достоевский продолжил спор с Золя в «Братьях Карамазовых».¹⁶ Тургенев предпочел не вступать в полемику, хотя через четыре года ему не удалось избежать ее в связи с пушкинскими празднествами в Москве.

Сообщение известного коллекционера Франсуа Лабаденса «Доде, Гонкур, Золя: „роковое трио“» отличалось повышенной эмоциональностью и экстравагантностью изложения. Далекий от принципов научной строгости выдвигаемых тезисов, Ф. Лабаденс попытался в живом и увлекательном рассказе воссоздать психологическую атмосферу личных отношений, сложившихся между тремя оставшимися в живых представителями «флорберовских обедов». Не скрывая своего пристрастия к одному из членов «рокового трио», Эмилю Золя, сохранившему верность идеям дружбы, порядочности и истины, Ф. Лабаденс безжалостно расправился с «предателями» Гонкуром и Доде, которых заподозрил в том, что они, не будучи по-настоящему талантливыми, завидовали растущей славе Золя. Такое «низведение» сложного к простейшему, хотя и является по-своему оригинальным, однако выходит за пределы научной полемики.

Выступление К. Беккер, напротив, отличалось чрезвычайной сдержанностью и строгостью научного подхода к затронутой ею проблеме отношения Тургенева к «меданской группе», в которую входила молодая поросль французского

¹⁵ См. об этом: Клеман М. К. Эмиль Золя. Л., 1934. С. 289—290.

¹⁶ См.: Реизов Б. Г. Борьба литературных традиций в «Братьях Карамазовых» // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. ЛГУ, 1970. С. 139—158. Пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность Ж. Любену, заметившему неточность в моей статье (№ 14. С. 91): Полина Виардо, как следует из доступных сведений, не присутствовала на похоронах Ж. Санд.

натурализма — П. Алексис, Анри Сепар, Леон Энник, Гюисманс, а также О. Мирбо и Мопассан. Отсутствие документов, как сказала исследовательница, затрудняет изучение этого эпизода литературной истории. Слишком многое разделяло Тургенева и молодых литераторов, группировавшихся вокруг Золя: разница в возрасте, социальное положение, отношение к литературному труду как способу зарабатывать на жизнь. Отсюда отсутствие подлинного взаимопонимания, которое было характерно для отношений Тургенева и Флобера.

В сообщении А. Звигильского «Вокруг нескольких документов с выставки», посвященной Тургеневу — Доде — Золя, содержится множество новых сведений и документов, одновременно публикуются забытые статьи, воскрешающие литературное окружение Тургенева. Сообщение состоит из четырех частей. В трех приводятся обстоятельства присылки уже тяжело больному Тургеневу трех книг, каждой из которых посвящается небольшое эссе: это роман Ж. Гюисманса «Сестры Ватар» (этот роман вышел в 1879 году с посвящением Золя); второй книгой оказалась интересная биография Э. Золя, написанная П. Алексисом при жизни писателя и опубликованная в 1882 году («*Emile Zola: notes d'un ami. Avec des vers inédits de Emile Zola*»). Эссе об этой книге сопровождается публикацией забытой статьи П. Алексиса о Тургеневе («*Le Réveil*», 9 sept. 1883), содержащей несколько интересных личных воспоминаний (с. 105—107). К слову сказать, еще несколько аналогичных публикаций украшают 14-й выпуск и придает ему особую основательность: это статья Доде «Тургенев», статья Золя «Флобер и Тургенев», статья о Тургеневе журналиста Жюль Юре, а также впервые опубликованная по-французски статья А. Доде о Золя из «Нового времени» (с. 117—124). Третьей книгой, подаренной Тургеневу незадолго до смерти, оказался роман Золя «Капитан Бюрь», вышедший в 1883 году. Важно отметить, что все три книги, о которых подробно рассказывает А. Звигильский в своей публикации и титульные листы которых воспроизводятся на страницах «*Cahiers*», являются остатками ныне утраченной парижской библиотеки И. С. Тургенева, которая, сохранись она целиком, многое могла бы прояснить в отношениях писателя с современными и давно ушедшими авторами, а возможно, и открыты новые страницы русско-французских культурных связей.

В четвертой части сообщения А. Звигильского напечатано семь писем из переписки Тургенева и А. Доде, частью известных, частью публикуемых впервые, например письмо Тургенева, датированное 20 марта 1876 года, в котором речь идет о немецкой рецензии на роман Доде «Джек»: Тургенев посылает Доде немецкую газету, но просит вернуть ее (с. 125—127). Впервые публикуемое письмо Доде содержит, в свою очередь, просьбу прислать только что появившийся рассказ Тургенева (с. 127; по предположению А. Звигильского, Доде заинтересовался рассказом «Часы»). Каталог

внутрительной экспозиции (92 экспоната!) завершает раздел 14-го выпуска, посвященный отношениям трех выдающихся мастеров европейской прозы второй половины XIX века.

Значительная часть 15-го выпуска «*Cahiers*» содержит материалы круглого стола, организованного Обществом друзей Тургенева, Полины Виардо и М. Малибран 13 октября 1991 года в Буживале в связи со 150-летней годовщиной со дня смерти М. Ю. Лермонтова. Раздел, отведенный Лермонтову, открывается перепечаткой из французского журнала «*La Revue Moderne*» (t. 34, juillet 1865) перевода поэмы «Мцыри», выполненного Тургеневым с помощью Луи Виардо, хотя в первом издании его имя как переводчика не фигурировало. Воспроизведенное на с. 5 предисловие к переводу поэмы не является простой перепечаткой из первой публикации. Имя Луи Виардо добавлено к имени Тургенева, значащегося переводчиком, в текст предисловия вставлена фраза, извлеченная из опубликованного впервые в этом же номере «*Cahiers*» письма Луи Виардо к редактору «*La Revue Moderne*» Шарлю Дольфюсу от 7 июля 1865 года. На основании этого же письма под предисловием стоит имя Луи Виардо, а на с. 18 приносятся соболезнования издателю полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, включившим это предисловие в состав произведений, принадлежащих Тургеневу. К сожалению, эти соболезнования придется признать несколько преждевременными, так как письмо Луи Виардо не дает оснований безоговорочно признать его автором предисловия к прозаическому переводу лермонтовской поэмы. Столь же открытым остается вопрос о степени участия П. Мериме в подготовке французского перевода «Мцыри».

Дело в том, что в первый том полного собрания сочинений П. Мериме, появившийся в Париже в 1931 году, этот перевод «Мцыри» был включен как принадлежащий Мериме. Можно легко понять ошибку редактора, перед которым лежал номер «*La Revue Moderne*», где значилось, что переводчиками поэмы были Тургенев и... Мериме, а в письмах Мериме к Тургеневу и другим корреспондентам встречались упоминания о его причастности к переводу поэмы Лермонтова. «Я жду корректур „Мцыри“», — писал Мериме 23 апреля 1864 года; «Никаких известий от „Мцыри“», — писал он же Тургеневу 10 мая 1864 года. Приводя эти цитаты, автор статьи «По поводу одного перевода „Мцыри“ (Тургенев и Лермонтов)» А. Звигильский пишет: «Это ничуть не означает, что Мериме был автором или соавтором перевода; должно быть, речь шла просто об отклике на письмо Тургенева, извещающего об окончании своей работы» (с. 15). Признавая совершенно справедливой первую часть приведенного высказывания (это, добавим, распространяется и на степень участия Мериме в предисловии к переводу), возразим по поводу второй части, где речь идет о предполагаемом содержании несохранившегося письма Тургенева. Нет сомнения, что Мериме просматривал перевод и предисловие (что, кстати, подтверж-

дается и письмом Луи Виардо). Таким образом, если подходить формально, то его причастность к опубликованию поэмы Лермонтова столь же «законна», как и причастность самого Луи Виардо. Все дело в том, что имя Луи Виардо, очевидно по недосмотру, было вообще опущено в публикации.

Вопрос о степени участия Луи Виардо в переводах произведений русских авторов (Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева) уже не раз дебатировался как в нашей, так и в зарубежной печати. Иногда в публикациях (как это было, например, с Гоголем) имя Тургенева — реального переводчика — не фигурировало на обложке издания, разумеется, с согласия самого Тургенева. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, приведем отрывок из пока еще не опубликованного письма Луи Виардо к Тургеневу, который полностью проясняет этот вопрос: «Прощайте, мой дорогой Тургенев, — писал Виардо в марте 1845 года, — я царапаю вам эту записочку в такой же спешке, в какой записывал под вашу диктовку приключения философа Хомы Брута, поскольку меня подгоняет почта» (письмо хранится в Национальной библиотеке в Париже). Сказанное не означает, что следует преуменьшать роль Луи Виардо в деле распространения русской литературы на Западе. Она была действительно велика. Без него вхождение Тургенева в круг европейских писателей было бы значительно усложнено, но трудно упрекнуть и Тургенева, который, войдя в этот круг, выбрал себе более авторитетных литературных советчиков, таких, как Мериме и Флобер. Резкий тон некоторых выражений в письме Виардо, справедливо почувствовавшего себя обиженным, объясняется именно этим. Увидев в качестве переводчика рядом с Тургеневым не свое имя, а имя Мериме, Виардо послал разгневанное письмо редактору «La Revue Moderne», которое, к сожалению, остается неизвестным. Опубликованное же А. Звигильским письмо Луи Виардо является, по сути дела, вторым, написанным уже после объяснительного письма редактора. Указание на то, что Мериме выбросил из предисловия к переводу фразу, принадлежащую Виардо, еще не доказывает, что все предисловие было написано им. Может быть, Мериме (или сам Тургенев) исключил из предисловия именно то, что было вписано Луи Виардо в тургеневский текст. Укажем также, что упомянутая фраза сопровождается в письме Виардо многозначительным «etc.», что означает, что исключенная фраза не была единственной. Таким образом, восстанавливать ее в тексте предисловия в таком виде не представляется нам корректным. Несомненно одно: и переводчиком и автором предисловия был сам Тургенев, степень же участия Мериме и Луи Виардо в подготовке лермонтовского перевода может быть оспариваема в дальнейших исследованиях.

«Лермонтовские традиции в прозе Тургенева» прослеживаются в статье Л. Н. Назаровой, которая избрала для анализа романы «Герой нашего времени» и «Рудин» (с. 23—28).

Анализируя особенности повествовательного стиля в романе Лермонтова, проф. Мишель Кадо делает убедительную попытку вписать его в европейский романтический контекст («„Un héros de notre temps“: „nouveau roman romantique?“ — „Герой нашего времени“: новый романтический роман?»; с. 29—34).

В сообщении Б. Ф. Егорова «Некоторые новые аспекты в подходе Белинского к Лермонтову» рассматривается статья Белинского о «Герое нашего времени», где, с точки зрения исследователя, содержится много противоречий между просветительскими тезисами критика о доминирующей роли обстоятельств в жизни человека и «гегельянским» отрицанием права личности на бунт против локомотива истории (с. 37). «Имперские» убеждения Белинского, оставшегося почти всю жизнь «государственником», привели его не только к оправданию деяний Ивана Грозного и Петра Первого, но и отразились на его восприятии украинской культуры. «Историки нашей страны, — пишет Б. Ф. Егоров, — могли лишь до 1917 г. говорить правду об „украинофобии“ критика (впрочем, и тогда это было сделано в малой степени); в советскую же эпоху это стало невозможным» (с. 38). В подтверждение своего тезиса Б. Ф. Егоров приводит известный пассаж из письма Белинского к П. В. Анненкову от 1/10 декабря 1847 года, который расценивается им как «чудовищная инвектива против украинского гения» (с. 39). Впрочем, публицистический пафос сообщения Б. Ф. Егорова не делает его защиту Шевченко от Белинского более убедительной, поскольку «резкий и несправедливый» отзыв критика о великом украинском поэте (по выражению К. Богаевской, комментатора приведенного письма Белинского в академическом издании его сочинений) был вызван вполне конкретными обстоятельствами перипетий русской общественно-литературной борьбы, которая уже не раз становилась предметом исследований, а не философскими противоречиями критика. Не говоря уже о том, что негативные оценки некоторых сторон натуры Шевченко или каких-то его взглядов (прозвучавшие, например, в воспоминаниях о нем И. С. Тургенева) не дают основания отнести их к проявлениям «украинофобии».

Кроме названных публикаций 15-й выпуск «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran» содержит интересные статьи Ж. Бланкова («Лермонтов и Державин: свет, отблеск, гром»), Гольди Бланков-Скарп («Грузия во времена Лермонтова»), каталоги выставок, предложенных посетителям Буживаля, «Лермонтов — А. Рембо — Моцарт» (под общим заглавием «Юные гении») и др. На с. 63—77 публикуется в перепечатке интересная статья канадского профессора Николая Жекулина «Тургенев и Моцарт», где помимо тщательно собранных высказываний русского писателя о творчестве самого любимого из западноевропейских композиторов можно найти остроумные догадки о прямом воздействии автора «Волшебной флейты» на Тургенева — ав-

тора либретто оперетт, написанных им для П. Виардо и положенных ею на музыку.

Статья Тьерри Освальда «Вокруг одного литературного содружества: Мериме и Тургенев — пересечение судеб» (с. 73—101) возвращает читателя к сюжету, неоднократно привлекавшему внимание исследователей. Однако аспект, избранный французским ученым, оказался неожиданно новым. Дело в том, что традиционно отношения Тургенева и Мериме изучались в биографическом плане, в плане личных взаимоотношений, которые действительно были и продолжительными, и плодотворными. В то же время близость и различие их творческих взглядов, сопоставительный анализ их произведений пока еще мало привлекали внимание исследователей. Как известно, Мериме был одним из немногих французских писателей, всерьез интересовавшихся русской литературой и русской историей. Этот интерес, которым обусловлены и его отношения с Тургеневым, нашел отражение в его творчестве, иногда под прямым воздействием русского писателя. На фоне широких философских и психологических наблюдений художественные видения и провидения двух писателей оказываются на редкость родственными и взаимообусловленными. Нет сомнения, что мысли, высказанные Т. Освальдом, могут оказаться весьма перспективными в плане будущих исследований, посвященных духовным связям Тургенева и Мериме.

В небольшом этюде о старшей дочери Полины и Луи Виардо Луизе (1841—1918) А. Звигильский справедливо указывает на необходимость более пристального изучения судьбы этой незаурядной личности, «чистокровной нигилистки» (как называл ее Тургенев), богато одаренной многими талантами, за исключением одного — умения ужиться с людьми, мириться с их слабостями и недостатками. Давая краткий очерк отношений Луизы Виардо (в замужестве Эритт) с человеком, который стал членом семьи Виардо, А. Звигильский останавливается на некоторых эпизодах, которые могут заинтересовать тургеневедов. Тургенев, например, помогал Луизе в переработке либретто ее оперы «Линдор», Луиза помогала Тургеневу готовить к печати сборник романсов Полины Виардо и т. д. Когда Луиза рассталась со своим мужем, Тургенев пытался внести ноту примирения, что ему, однако, не удалось. Как и дочь писателя Полинетта, Луиза не принимала отношений, которые сложились между Тургеневым и семьей Виардо. Не понимала и протестовала, как могла. Не очень лестный портрет русского писателя остался в ее воспоминаниях, страницы которых воспроизводятся на с. 113—119 15-го номера тургеневских тетрадей с краткими комментариями, а на с. 120—121 сообщаются сведения, полученные в одной из аптек Баден-Бадена, которые заставляют предполагать, что Луиза употребляла наркотики, что тщательно скрывалось в семье.

Довольно большая и интересная статья А. Звигильского о сыне Луи и Полины Виардо — Поле Виардо — знакомит нас с человеком, ко-

торому Тургенев при рождении предсказывал великое будущее. Это шутивное пожелание почти сбылось: Поль действительно стал одним из лучших скрипачей своего времени. Пользовавшийся, как и все дети Виардо, особым расположением писателя, Поль оставил интересные воспоминания о своем русским друге, которые печатаются на с. 133—138.

Завершает 15-й выпуск публикация двух неизвестных писем Тургенева — к дочери (от 16 мая н. ст. 1866 года) и к Альфонсу Доде от 7 мая 1879 года. Еще одно письмо, правда, уже опубликованное в 1901 году Гальпериным-Каминским, Тургенева к Г. Флоберу (от 24 января 1877 года), воспроизводится на с. 154—155 факсимильно и с исправлением опечаток, допущенных в первом издании. Это письмо принадлежит теперь музею Тургенева в Буживале. Наконец, еще одна публикация, ценная для нас, — речь на французском языке Тургенева на Международном литературном конгрессе по авторским правам, состоявшемся в Париже в июне 1878 года. Ценность этой публикации в том, что в академическом издании она печаталась по первой публикации, а не по автографу.

Наконец, следует отметить еще одну совсем небольшую публикацию с комментарием титульного листа французского издания «Записок охотника» с дарственной надписью английской писательнице Дж. Элиот: «To the great poet George Eliot from one of her admirers. The author. London, 1871».

На титульном листе 16-го, последнего из рецензируемых выпусков «Cahiers» значатся имена Эрнеста Ренана, В. В. Верещагина, Афанасия Фета, Мориса и Лины Санд и Жюль Массне. Этот выпуск поистине изобилует архивными находками, среди которых на первое место поставим публикуемую впервые переписку Тургенева и известного ученого второй половины XIX века Эрнеста Ренана. Статья А. Звигильского «Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо» (с. 7—35) — первое исследование, посвященное отношениям Тургенева с Э. Ренаном. Предваряющая эту статью публикация надгробного слова, произнесенного Ренаном на Gard du Nord 1 октября 1883 года, как нельзя лучше показывает, насколько высоко ценил французский ученый роль Тургенева как посредника между двумя Европами — Западной и Восточной. Исполненное красотою истинно французского красноречия, оно не было простой данью уважения. Отношение Ренана к великому русскому писателю было, как показано в статье Звигильского, исполнено глубочайшего сочувствия и сердечности. Откликаясь на просьбу П. Виардо выступить от лица французоз у гроба Тургенева, Ренан писал: «Мысль, высказанная вами, вошла прямо в мое сердце. Я очень горжусь, что она пришла к вам. Да, конечно, я почту за великую честь сказать слово прощания нашему великому гостю, драгоценным другом которого были вы. Именно вам мы обязаны тем, что в течение долгих лет владели им. Разрешите от имени всех поблагодарить вас» (с. 23). Переписка Тургенева и Ренана, правда далеко

не в полном виде, приоткрывает новые аспекты их отношений, в частности связанные с символической драмой Ренана «Калибан», в доработке которой Тургенев принял самое заинтересованное участие. Напечатанные в качестве приложения к статье письма Тургенева к дочери художника Ари Шеффера (близкого друга Полины Виардо и знакомого Тургенева), Корнелии Маржолен-Шеффер, интересны не только сами по себе, но и теми косвенными сведениями, которые в них содержатся. Так, из письма «конспиратора» Тургенева 1882 года к К. Маржолен становится ясно, что она служила передаточным звеном в переписке П. Л. Лаврова и Тургенева (с. 34). Это письмо помогает расшифровать криптоним «М. Ш.», фигурирующий в письме Тургенева к Лаврову от 24 июля / 5 августа 1882 года (первое академическое издание. Т. XIII. Кн. 1. С. 311). Все эти сведения, разумеется, будут учтены в выходящем ныне втором издании полного собрания сочинений и писем Тургенева.

К парадоксальному выводу пришел румынский ученый Константин Кризан, анализируя роман «Накануне»: «Несмотря на свой эпизодический характер... *Лупояров кажется нам центральным персонажем романа*» (с. 41). Разумеется, столь пессимистический взгляд на проблематику романа обусловлен озбоченностью автора современными политическими событиями, которым он находит аналогию в не столь уж далеком прошлом.

150-летие со дня смерти русского художника В. В. Верещагина отмечено в 16-м выпуске рецензируемого ежегодника публикацией в переводе на французский язык вышедших еще в 1909 году воспоминаний художника о Тургеневе (с. 45—55), а также статьей Алена Гужона «Тургенев и Верещагин: необычная дружба» (с. 57—68), которая в основном является переложением известной статьи И. Зильберштейна, напечатанной в 73-м томе «Литературного наследия» (кн. 2). Эта статья дополнена новыми материалами, среди которых хранящееся в Буживале письмо Тургенева к французскому критику Филиппу Бюрти от 6 января 1880 года, в котором он благодарит последнего за опубликованную по его просьбе статью о русском художнике.

100-летие со дня смерти великого русского поэта А. А. Фета отмечено в 16-м номере целой серией публикаций, что само по себе весьма примечательно. Это три стихотворения Фета в переводе Никиты Струве (с. 69—70), первая публикация на французском языке отрывка (и довольно значительного) из «Моих воспоминаний» (с. 71—89), публикация двух писем Фета к Тургеневу, хранящихся в Национальной библиотеке, и одного письма Тургенева к Фету из коллекции покойного А. Я. Полонского (Париж). Все эти материалы дают возможность французскому читателю познакомиться с творчеством одного из выдающихся поэтов эпохи, который остается пока малоизвестным во Франции. Отношения Тургенева и Фета посвящена статья А. Звигильского «Два

друга-врага: поэт Фет и Тургенев» (с. 91—107). Внимательно изучив обширную литературу, посвященную этим сложным и почти драматическим отношениям, автор статьи, к сожалению, разделил устоявшуюся у нас точку зрения на Фета как идеолога крепостничества, человека отсталых взглядов и двойной морали. Трудно обвинить французского исследователя в необъективности, поскольку иной взгляд на эту удивительную, универсально одаренную личность поэта, философа, публициста, переводчика лишь сравнительно недавно стал обретать права на его родине. Стоит, может быть, привести одну гипотезу исследователя, вызывающую решительные возражения. Речь идет о Фете как возможном прототипе образа Сипягина в «Нови». Основываясь на бытующих в нашем литературоведении представлениях о Фете, А. Звигильский пытается найти общие черты между «либеральным бюрократом» Сипягиным и Фетом, хотя самым убедительным опровержением его гипотезы служит та уничтожительная характеристика Сипягина, которая сохранилась в «формулярном списке», где, кстати, прямо называются прототипы Сипягина: «Средняя пропорциональная между Абазой и Жемчужниковым (и Валуевым)» (Тургенев. Сочинения. М.; Л., 1966. Т. XII. С. 322).

Справедливым следует признать замечание Звигильского, поправившего комментаторов «Нови» в академическом издании, объяснивших запись на полях второй редакции конспекта «Нови» («Клеврет ренегата... Фраза Фета») тем, что Тургенев мог услышать это выражение из уст Фета в 1874 году во время своего пребывания в Спасском. Фет и Тургенев действительно не встречались в этот приезд Тургенева в Спасское, однако трактовка слов «фраза Фета», предложенная А. Звигильским, вызывает еще большие возражения. Исследователю показалось, что слова «клеврет ренегата» относятся прямо к Фету, соединившему в себе черты и «ренегата» (Каткова), и его «клеврета» (Маркевича). При этом А. Звигильский ссылается на письмо Тургенева от 10 декабря н. ст. 1874 года, где Фет причислен к этой компании (с. 104). Думается, что для того, чтобы процитировать Фета, Тургеневу совсем необязательно было встречаться с ним в 1874 году, да и сама «фраза Фета» могла быть сказана им необязательно в связи с Катковым и Маркевичем. Не исключено даже, что «фраза Фета», о которой упомянул Тургенев, была какой-то другой, использованной им в романе.

В целом же стремление исследователя найти в произведениях Тургенева следы общения с Фетом вполне правомерно. Что же касается «Нови», то скорее следовало бы обратиться к образу Соломина, с которым у Фета было немало общего в подходе к ведению хозяйства.

Небольшой очерк о Луи Леже (1843—1923), написанный его внуком, воскрешает образ еще одного французского знакомого Тургенева, с которым он часто общался в последнее десятилетие своей жизни. Отрывки из «Вос-

поминаний славянофила» Луи Леже, опубликованных в Париже в 1905 году, хорошо иллюстрируют степень близости между русским писателем и его горячим почитателем, сыгравшим видную роль в деле популяризации русской литературы во Франции.

Сообщение ведущего французского исследователя творчества Жорж Санд Жоржа Любена, недавно завершившего образцовое издание переписки Ж. Санд в 24-х томах, начинается с необычного признания: «Надо отдавать себе отчет, издания писем всегда страдают одним недостатком: подобно ткани, которую ткала Пенелопа, они, с момента появления, никогда не являются полными» (с. 135). Публикуемые Ж. Любеном впервые письма Полины Виардо к Жорж Санд и членам ее семьи свидетельствуют о том, что дружба между семьями не прерывалась.

Истории одного гастрольного турне П. Виардо в 1858 году в Будапешт посвящено сообщение Ференца Кереньи (с. 147—167). В нем опубликовано много интересных документов, среди которых и большое письмо из Будапешта Луи Виардо Тургёневу, подлинник которого хранится в Национальной библиотеке. Опубликованные А. Звигильским 10 писем из переписки Полины Виардо и Жюль Массне завершают публикации этого выпуска.

Заканчивая наш по необходимости краткий обзор семи выпусков тургеневских бюллетеней, приходится с сожалением признать, что многое пришлось обойти молчанием. В особенности это

касается публикаций, связанных с музыкальной темой в «Cahiers». «Музыкальные» публикации, конечно, заслуживают специального обзора. Отметим лишь, что ими особенно богат оказался 10-й номер, в котором отмечались две знаменательные даты: 150 лет со дня смерти Марии Малибран и 100 лет со дня смерти Ференца Листа. Статьи Р. Джазотто, Клауса Фишера, Ф. Лезюра и др. были посвящены различным аспектам творчества выдающихся музыкантов. Очень интересна помещенная в 12-м номере статья Рафаэля Жиберы «Луи Виардо и испанский композитор Хосе М. Гомис». Рядом публикаций этого номера отмечено 150-летие со дня рождения знаменитого автора «Кармен» Жоржа Бизе, которого связывала с П. Виардо и ее мужем большая дружба. Был знаком Бизе и с Тургёневым. Статья Мишеля Пупе «Гуно и Бизе» (с. 113—130) содержит много важных для историков музыки сведений. 14-й номер выпуска тургеневских тетрадей украшает неизвестное ранее письмо П. И. Чайковского к Эдуарду Колонну.

Хочется верить, что усилиями энтузиастов своего дела «Общество друзей Тургёнева, П. Виардо и М. Малибран» будет вести и далее свою энергичную деятельность на благо наших двух культур и порадует своих почитателей новыми находками, новыми выставками, конференциями, концертами и, конечно, новыми выпусками «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran».

О. А. Бригаднова

МОНОГРАФИЯ О ВОЛОШИНЕ-ПЕРЕВОДЧИКЕ *

То, что переводная литература органично, полноправной частью входит в литературное и общекультурное наследие, теперь, кажется, не вызывает сомнений. В связи с этим возникает необходимость тщательного и глубокого изучения теории и практики перевода. Однако, несмотря на важные достижения в этой области в работах середины—второй половины XX века как в России, так и за рубежом,¹ многие проб-

лемы перевода еще не решены, многие периоды развития литературного процесса с этой точки зрения не изучены или изучены фрагментарно, а в самой исследовательской дисциплине «отношения между историей—критикой—теорией перевода нарушены».² Особенно отстает персональная критика перевода, т. е. монографическое изучение творчества переводчика (анализ метода, эволюция метода перевода). «Пока практически отсутствующая форма критики», — такой малутешительный вывод делает П. Х. Торон.³

Все вышесказанное вполне применимо к состоянию исследования критики и истории перевода в России. Тем важнее любой труд, восполняющий пробелы, такой, например, как одна из последних работ Ю. Д. Левина о рус-

* Адамантова В. А. Поэтика перевода М. Волошина. N.-Y.; Ottawa; Toronto, 1992. 309 с. (Russian series, 2).

¹ См., например: Brower R. A., ed. On Translation. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1959; Catford J. C. Linguistic Theory of Translation. L., 1965; Nida E. and Taber E. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1974; Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968; Гачечиладзе Г. Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970; Коланев П. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972; сборники «Мастерство перевода» и др.

² Торон П. Х. Принципы построения истории перевода // Учен. зап. Тартуск. ун-та. Т. 491. Тарту, 1979. С. 107.

³ Торон П. Х. К основам критики перевода // Учен. зап. Тартуск. ун-та. Т. 604. Тарту, 1982. С. 142.